

К истории профессионального движения в Тарском округе Сибирского края¹

В документах архивного фонда «Тарский окружной Совет профсоюза работников государственных учреждений Тарского округа Омской области» имеется интересное дело за 1927 год, в котором содержится материал об истории профессионального движения в Тарском округе.

Этот материал состоит из воспоминаний очевидцев событий истории нашего города – Маряшева Александра Филипповича, Перченков Соломона Исаковича, Киришейна А.Ф., Хруцкого, Плехотных, Тарасова И.К., Погорелова Анатолия Константиновича.

Из воспоминаний очевидцев читатель узнает не только об истории профсоюзов в г. Таре, но и о политических ссыльных, забастовке на винокуренном заводе в 1906 году, о первой демонстрации-митинге в Таре в 1907 году, о борьбе тарских рабочих за 8-часовой рабочий день, о контрреволюции, большевиках, эсерах и многом другом.

Там, где это было возможно, восстановлены имена и отчества людей, о которых идёт речь, т. к. в воспоминаниях в основном указаны лишь фамилии.

Конечно, многие факты, имена и даты требуют документального подтверждения, выводы очевидцев субъективны, но тем интереснее читать этот документ².

Вера Помыткина,
архивист 1-й категории филиала
Бюджетного учреждения Омской области
«Исторический архив Омской области»
в г. Таре.

Вместо предисловия

Говорить об истории профессионального движения в Тарском округе, это значит – сказать о рабочем движении в прошлом.

В Тарском округе население преимущественно занято сельским хозяйством. Здесь нет ни крупных фабрик, ни заводов, если не считать предприятия местного характера, как то: мельниц, электростанций и т. п.

Был здесь раньше винокуренный завод, но и на нём рабочих насчитывалось более 100 человек, и это на целый округ.

Однако здесь проблески рабочего политического движения были ещё задолго до Октябрьской революции.

Дело в том, что г. Тара, как и вообще вся бывшая Тобольская губерния, была местом ссылки политических различных партий и группировок.

Несомненно, что благодаря присутствию политических ссыльных в Тарском округе сильно велась агитация среди населения, правда, неорганизованная и не систематическая, которая, однако, в основном сводилась к критике существовавшего царского строя, что и надо частично считать одной из предпосылок профессионального рабочего движения округа.

Вместе с тем с началом революционной бури рабочего профессионального движения в целом по России это нашло себе отклик в Тарском округе в лице более сознательных граждан.

¹ ТФ ГИАОО (филиал бюджетного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области» в г. Таре), Ф. Р-160 (Тарский окружной Совет профсоюза работников государственных учреждений Тарского округа Омской области). Оп. 1. Д. 48. Л. 124–164.

² Тексты приводимых воспоминаний даются в соответствии с правилами современной русской орфографии и пунктуации, при условии сохранения стиля авторов (прим. редакционной коллегии).

Это движение нашло себе отклик также в деревне среди крестьян, выразители которого были демобилизованы из старой армии, которые, будучи в окопах, были захвачены агитацией коммунистической правды.

И вот для того, чтобы шире осветить это движение в борьбе за власть Советов, было приступлено к сбору материалов по округу.

Ввиду же того, что никаких архивных материалов и документов не осталось, для восстановления действительности прошлого пришлось прибегнуть к способу ведения бесед с отдельными товарищами – участниками и очевидцами в этом движении.

Многие даты и цифры, вполне возможно, что требуют проверки и более точных сведений, так как участники говорят обо всём также лишь по памяти.

Вообще же для того, чтобы широко охватить историю рабочего профессионального движения, потребуется гораздо больше времени, что возможно будет сделать в процессе дальнейшей работы.

Что рассказывает тов. Маряшев А. Ф. (рабочий, беспартийный, в настоящее время³ работает в с. Пищевики)

В Сибирь я приехал 3 лет вместе с родителями из Казанской губернии. Отец мой был чернорабочий. После смерти его мне было 7 лет, мать моя была прачкой. На её средства я и рос. Всё время живу в г. Таре.

Учиться бросил в 12 лет и поступил на винокурный завод. Этот завод был на берегу Иртыша. В 1923 году он сгорел. На заводе работал слесарем и помощником ректификатора (мастер по очистке спирта исивушных масел). В 1915 году служил на пароходе «Витязь» помощником машиниста.

После был взят на военную службу и служил в Ореинбауме⁴. Снова вернулся в Тару уже в 1917 году и поступил снова на завод.

В Таре при царизме

Конечно, рабочего движения в Таре в то время ещё не было. Объясняется это тем, что здесь нет ни фабрик, ни заводов. Были винокурный завод и винный склад, где было занято до 100 человек, да те по большей части местные обыватели, домохозяева и т. п.

Зато буржуазия, как то: купцы, чиновники, попы да местное кулачье старались, так сказать, объединиться. И в Таре ещё в 1906, 1907 годах имелся сначала дворянский клуб, а после приказчиий, который как раз был на том месте, где сейчас Дом профсоюзов. Клуб этот сгорел. Приказчиий же существовал вплоть до Февральской революции. Был в том здании, где сейчас профклуб по улице Свердловой.

Объединял этот клуб, в первую очередь, буржуазию – купцов да кулаков. Принимали участие в нём и наиболее зажиточные обыватели и служащие. А нашему брату – рабочему и бедняку, крестьянину в этот клуб доступа не было. Да и нечего нам там было с ними делать, потому у нас с буржуазией интересы разные.

Возможна ли была профсоюзная работа

В Таре, как и в других городах Сибири, всем руководила буржуазия со своими сподвижниками: полицией, жандармерией и попами. Культурной и общественной жизни и работы не было и потому среди нас, рабочих, даже мало кто знал о существовании и о значении профсоюзов.

Если в центральных губерниях – промышленных индустриальных центрах – велась подпольная нелегальная работа среди рабочих, то здесь, в Таре, об этом ничего не было слышно.

Политические ссыльные

И только с революции 1905 года к нам в Тару стали прибывать политические ссыльные. Но, благодаря правительственно-поли-

³ 1927 г.

⁴ Ораниенбаум, с 1948 г. – г. Ломоносов, образует внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга в составе Петродворцового района, административный центр Ломоносовского муниципального района Ленинградской области.

цейской провокации, население на политссылных смотрело как на преступников. У меня лично в то время жил политический ссыльный на хлебах тов. Берштейн Яков, лет 27-28. Говорил он всегда против власти, за это и был сослан из города Лодзь с завода.

С ним мы по вечерам пели революционные песни, закрыв предварительно окна на ставни. Вели беседы, но всё же у нас полного понимания рабочего движения и его значения не было. Всё казалось в тумане. Знали, что эти люди стремятся к чему-то новому, хорошему, а большинство оставалось в полном незнании и невежестве. Но сознательные рабочие в то время не спали.

В 1906 году устроили забастовку

Это было на винокуренном заводе осенью в 1906 году, в то время, когда забастовки по России проходили почти повсеместно.

Это было так...

Надо сказать, что рабочим на заводе, особенно тем, которые не имели ни кола, ни двора, жилось далеко не сладко.

Как, я лично, будучи в то время 18-летним, имея на своем иждивении двух сестёр и мать, получал всего 12 рублей. Таких было большинство.

Ясно, что на эти деньги существовать было нельзя, хотя бы влачив полуголодную жизнь.

И вот осенью, когда нужно было пустить завод в работу, был объявлен приём рабочих, среди которых была масса недовольных этими скудными средствами зарплаты.

15 октября 1906 года в день пуска завода буржуазией был отслужен молебен, где присутствовала вся администрация и гости.

Поднесли по чарке водки рабочим – стало «повеселее», брожение недовольства среди рабочих усилилось. В момент, когда уже была пущена паровая машина и когда нужно было начать работу, рабочие как один закричали:

– Не будем работать до тех пор, пока нам не прибавят!

– Пусть управляющий увеличивает жалованье, а то и работы не увидят.

Управляющий же Кузнецов Андрей после молебна уехал домой, надеясь, что «бог поможет» и всё пройдёт как по маслу.

Когда же ему донесли о забастовке, то он приехал обратно и стал уговаривать:

– Ребята, надо приступить к работе. Всё, что можно, мы для вас сделаем. А лишних средств на прибавку жалованья вам у нас нет.

В конце пригрозил полицией.

– А если не приступите к работе, то мне придётся обратиться за содействием к властям и полиции.

Но ни его «сладкие» увещания, ни угрозы полицией и властями на рабочих не подействовали.

– Тогда или прибавляй, – кричали они, – или работать не будем.

Между тем паровая машина была пущена. Чтобы остановить её, рабочие стали говорить дежурному масленщику Одинцеву Григорию (сейчас работает в своей мастерской):

– Останови машину.

– Не могу, – говорит тот, – машинист прикажет, тогда остановлю.

– А, ты так!

И сверху вниз со второго этажа на машину посыпались ушаты, метёлки и всё, что попадалось под руку, и пришлось Одинцеву машину остановить.

К этому времени подошла полиция, вызванная управляющим Кузнецовым. Арестовали трёх рабочих, из них помню тов. Трелих Василия (умер в Таре в 1920 году).

Рабочим тут же было приказано приступить к работе.

– А кто не приступит к работе, – говорили они, – тот сейчас же будет рассчитан и арестован.

К работе приступили, а прибавки так и не добились.

Объясняется это тем, что кроме винокуренного завода, здесь найти работу было негде, и многие поэтому боялись потерять место. Так в Таре, как и везде, полиция и жандармерия старались всякое проявление рабочих к профессиональному движению

подавить, и потому каких-либо достижений достичь было трудно.

**Из рассказа тов. Перченко С. И.
(политссылный, теперь⁵ работает про-
давцом Сибторга)**

1907 г. в г. Таре

Как и в других городах Сибири, в г. Таре в 1907 году было полное невежество. Кругом царило патриархальное и черносотенное настроение, политических боялись, считая их за вредных людей – бунтовщиков и т. д.

Тем не менее, прибыв в г. Тару, политические ссыльные собирались нередко по вечерам друг к другу, проводили беседы на политические темы, на которых бывали и местные обыватели, преимущественно учащаяся молодёжь.

В Таре в то время были политические ссыльные различных группировок, как то: бундовцы, монархисты, максималисты, ликвидаторы дошианов и пр.

Существовала также социал-демократическая группировка (из которой помню тов. Либеран⁶, студент Гольштейн, Писаревские – мужа и жену).

Политические ссыльные кроме бесед имели у себя литературу, которую распространяли среди населения. Эту литературу они доставали из центральных городов России от различных организаций.

Первая демонстрация-митинг в г. Таре

Это было в апреле месяце 1907 года. Среди политических у нас был тов. Малик⁷, – рабочий-ткач из Орехова-Зуева, который долго сидел в тюрьме, подвергался различным истязаниям, пыткам, в результате чего здоровье его было подорвано и он умер.

Политическими ссыльными на общем собрании (в количестве до 80 человек) было решено устроить похороны с демонстрацией: выйти на улицу для сопровождения тела тов. Малик с красным революционным флагом и чёрным – траурным.

В это время в г. Таре исправником был Кураленко⁸, который, видимо, через посредство сыскной полиции узнал о наших намерениях и для переговоров вызвал к себе двух политических.

– Против похорон и проводов покойного, – говорит он, – я против ничего не имею. Пусть будет и чёрный флаг, но вынос тела с красным флагом не позволю.

Политические ссыльные собрались вновь, стали обсуждать вопрос о демонстрации.

– На каких же основаниях полиция хочет запретить нам сопровождение тела с красным флагом?

– Ведь мы здесь политические ссыльные, ни больше ни меньше. Это все знают, знают и все наши убеждения.

– Неужели ещё здесь, в Сибири, полиция будет вмешиваться в нашу жизнь. Ведь, наконец, это невозможно.

– А разве спрашивали они наше согласие, когда ссылали нас сюда в ссылку.

– Да ну их ко всем чертям... Пойдём с красным флагом и будем петь революционные песни.

И вот для покойника был приготовлен гроб, обитый красным материалом, на котором было написано: «Борцу за свободу, замученному палачами».

На второй день русской Пасхи мы собрались в городскую больницу (в старом здании по Советской улице) и оттуда с красным и чёрным флагами двинулись с гробом сначала по Никольской улице (теперь – Советская).

⁵ 1927 г.

⁶ Н. Я. Либерман. См.: Хазиахметов Э. Политические ссыльные в Таре (1906–1917) // Тарская мозаика : (история края в очерках и документах 1594–1917 гг.). Омск, 1994. С. 192.

⁷ В. Мулик. См.: Там же. С. 192.

⁸ Куриленко. См.: Рапорты Тарского уездного исправника Тобольскому губернатору о распространении революционных воззваний в г. Таре // Там же. С. 166.

1917 год со слов тов. Кириштейн (политический ссыльный, в настоящее время¹⁰ работает в Тарском ОГПУ)

Впереди нас и по бокам шла полиция, стражники и надзиратели, публики к нашей демонстрации примкнуло свыше 1000 человек. Когда демонстрация дошла до половины Александровской улицы, при пересечении её Полицейским переулком⁹ (ул. Розы Люксембург) из-за угла выехал отряд, вооружённый винтовками. Это были солдаты местной команды. С пиками в руках они подъехали к обезоруженной толпе, с тем, чтобы отнять красный флаг.

Когда им это сделать не удалось, то они в ход пустили оружие, стали бить прикладами, и красный флаг отняли.

Некоторые из обывателей, видя эту свалку, побоялись и разошлись, но большинство сопровождало умершего до кладбища.

Всё время дороги мы пели революционные песни: похоронный гимн, варшавянку, марсельезу и др.

При входе на кладбище также оказалась полиция. На кладбище пропустили лишь политических ссыльных.

Но у могилы, однако, собралось человек до 300. Шли они не воротами, а через загородь.

– Также интересно посмотреть, как политические хоронят своих, – говорят обыватели.

У могилы был снова митинг, выступали с речами, на чём и закончились похороны тов. Малик и первая демонстрация.

Об этой демонстрации с красным флагом донеслось до тобольского губернатора, в результате чего Куреленко был смещён, а политических ссыльных арестовали и продержали в тюрьме от 2 до 3 месяцев.

В 1917 году в г. Таре политических ссыльных активных работников были: тов. Перченок (сейчас служит в г. Таре в Сибторге), Чесноков¹¹ (землемер), Баранов (офицер), Волгин (пред. правления Кооперации), Рык (зубной врач), Циза¹² (жена бывшего политического ссыльного), Заливин (бывший председатель Союза охотников, сейчас в г. Новосибирске), Смолянок¹³ (бывший политич. по профессии садовник), Вальтер¹⁴ (политич. ссыльный, бывший управляющий помещичьего имения с агрономическим образованием), Леонтович¹⁵ (тов. прокурора) и др.

В июне месяце в г. Таре у активной группы политических работников состоялось первое организационное собрание, на котором выбирали комитет партии. В президиум вошли тов. Чесноков, Герштейн¹⁶, Перченок, Рык и Волгин.

В первое время задавались целью организовать массы и провести политическую массовую работу.

Но на первых порах у нас по вопросу о войне возникли между собой разногласия. Так, Вальтер говорил, что война нам необходима, впоследствии перешли к ссорам.

Момент февральской революции

Телеграмма о свержении Николая была местной властью (городским головой Мезенцевым) задержана, но потом они должны были объявить её.

⁹ В 1927 г. Полицейский переулок – это Кооперативный переулок, а Розы Люксембург – это бывший Соборный.

¹⁰ 1927 г.

¹¹ Владимир Евгеньевич (1888–1930). См.: Жиров А. Если бы стены могли говорить... : (очерки и статьи). Омск: Полиграф, 2008. С. 25.)

¹² Цыз. См.: Тарская мозаика... С. 196.

¹³ Тихон Осипович, 1883 г. р., православный, грамотный, женат, уроженец Черниговской губернии, Черниговского уезда, Горбовской волости и села, приписан там же, житель г. Тары, в Сибирь выслан по решению Киевской судебной палаты (ТФ ГИАОО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 1. Л. 20).

¹⁴ Андрей Фёдорович. (Жиров, А. А. Если бы стены могли говорить... : очерки и статьи. – Омск: Полиграф, 2008. – С. 23).

¹⁵ Пётр Петрович. См.: ТФ ГИАОО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.

¹⁶ И. И. Бернштейн. См.: Тарская мозаика. С. 191.

В начале марта месяца на площади был устроен первый митинг, в котором принимали участие все.

Даже купцы и те вышли на митинг с красными бантиками.

Вскоре организовался в Таре Комитет общественного спокойствия, куда вошли Мезенцев, Вальтер, Чесноков и др.

В то же время был назначен в г. Тару уездный комиссар Временного Правительства (Керенского).

Жизнь шла по-старому, если не считать оживления, собраний и начинавшегося развиваться брожения среди масс.

Исправники и полиция по-прежнему оставались на своих местах, работа их также шла по-старому.

Первый Совден

Иное дело стало с организацией Совета рабочих и солдатских депутатов.

Организовался он так.

Сначала было создано общее собрание граждан, где выступали политические группы тов. Чесноков, Вальтер, Смолянку. Всё, что они говорили, – о необходимости организации Совета.

Из числа присутствующих были избраны члены Совета, куда вошли Чесноков, Кирштейн, Перченков, Вальтер, Смолянку, Кривенко¹⁷.

Первое организационное собрание Советов состоялось в июне 1917 года.

Председателем Совета был избран тов. Гинцель (учитель), члены президиума Кирштейн и Чесноков, и два писаря местной команды.

Но как юридической, так и фактической властью Совет не пользовался, и старые власти с его решениями считались мало.

А в это время эсерами – Красноусовым и Дербером – приехавшими из Омска, из делегатов с мест был образован Совет крестьянских депутатов, куда вошли членами преимущественно эсеры и крестьяне, главным образом, зажиточные кулаки.

В конце 1917 года из представителей Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета крестьянских депутатов был образован первый исполнительный комитет, в котором и были организованы отдельные комиссариаты.

Вся передача дел от старых властей к новым проходила ведомственным порядком без каких-либо осложнений и конфликтов, почему момент перехода от старой власти к новой трудно было уловить.

– Помню, – рассказывает тов. Кирштейн, – в декабре месяце или ещё раньше, когда Временное Правительство было разогнано в г. Таре, в помещении, где сейчас находится архивное бюро исполкома, было заседание нашей организации, на котором присутствовали также эсеры. Обсуждали вопрос о переходе власти от Временного Правительства к Советам.

Чесноков и Баранов, выступая, говорили:

– Власть должна принадлежать Советам.

А эсеры, Смолянку, Леонтович, Вальтер и другие настаивали на Учредительном Собрании.

В результате эсеры, будучи многие в нетрезвом виде, настолько яро стали защищать свою учредилковку, что, наконец, готовы были лезть на нас с кулаками.

Но на этот раз разошлись спокойно. Однако с этого же времени отношения между нами и эсерами нарушились. Стали они нам угрожать, а также распространять про большевиков разные провокационные слухи и небылицы.

Исполнительный комитет работал, но там было засилье офицерства, работы плодотворной не было, ввиду чего среди населения шло недовольство, главным образом, на почве продовольственного и мануфактурного кризиса.

От нашей группы входил в исполком Баранов (который впоследствии был даже председателем).

У нас в организацию в апреле или мае месяце входило приблизительно до 70 чле-

¹⁷ Иван Фёдорович. См.: ТФ ГИАОО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

нов. Но с начала чехословацкого движения многие из организации стали выходить. Никаких мотивов не выставляли и говорили лишь одно:

– Выпиши меня.

– Выпиши, – а то разные слухи ходят, и, чёрт его знает, что может быть.

И так в конце от 70 осталось всего лишь до 20 членов.

В начале июня было заседание нашей группы, где присутствовал Вейсерт (в настоящее время зав. Екатерининским домом отдыха), который обещал с крестьянами выступить из урмана с отрядом. Были также посланы по деревням воззвания с призывом защиты советской власти. Имелось в виду, также всех членов организации вооружить, но это сделать не удалось, т. к. меня (Кирштейна, Баранова, Чеснокова, Степанищева¹⁸, Гольверг, Волгина¹⁹ и др.) арестовали и держали в Тарской тюрьме до 9 июня.

После, с советскими пароходами я, Баранов, Чесноков, Волгин, Перченоч и др. уехали на Тюмень, причем Волгин и Перченоч высадились в Тобольске.

В 1917 году на заводе (со слов Маряшева А. Ф.)

Приехал я в Тару 30 сентября, снова поступил на винокурный завод. В это время спирт заводом не вырабатывался, а здесь была деревообделочная мастерская. Работало до 40 человек.

Второго октября принял участие на первом коллективном собрании Союза деревообделочников, где были проведены выборы, и я, Маряшев, с двумя другими рабочими был выбран депутатом городского Совета. Совдеп в то время помещался в здании потребсоюза. Всего Совет объединял до 100 членов.

На первом заседании мне пришлось присутствовать 3-4 октября. Когда я увидел в сборе всех членов, так называемых

депутатов, то оказалось, что между ними большинство были обыватели и местные буржуа, как например – Мезенцев, купец Орлов и др.

Совдеп возглавлялся каким-то доктором.

Помню, на этом заседании обсуждался вопрос о рабочем времени служащих на мельнице Яркова, который присутствовал тут же, рабочие на этой мельнице, как оказалось, работали не 8 часов, а все 12. Стали говорить о недопустимости такой эксплуатации. А Ярков стал спорить и кричать:

– Позвольте, если рабочие у меня будут работать в три смены, то моя мельница не выдержит, вы разорите меня!

Для обследования работы на мельнице была создана комиссия, а после Яркову предложено перейти на 8-часовой рабочий день с тремя сменами.

Разбирали в Совдепе и другие вопросы, как то: о благоустройстве города, о необходимости проводки электричества и даже постройки железной дороги, с Омско-Тюменской железнодорожной линией, которая проходит от Тары в 100 верстах.

При общей хаотичности в работе было много и хороших намерений у членов Совета, но, ввиду того, что наряду с рабочими в него входили и местные обыватели, представители разных партийных группировок, работа не имела больших результатов. Часто просиживали на заседании до 2-3 часов ночи, и, вместе с тем, ни к чему дельному не приходили.

При Совдепе был Комитет партии большевиков. В то время коммунистами мы их не называли и этого названия не слышали. Устраивались собрания. Но вопросы обсуждались не те, которые должны были обсуждаться после на общем собрании Совдепа, а по большей части касающиеся самих членов партии и Комитета. Вернее, велась организационная, внутрипартийная работа среди самих членов и мало уделялось внимания работе фракции Совета.

¹⁸ Иван Иванович. См.: ТФ ГИАОО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.

¹⁹ Александр Михайлович. См.: ТФ ГИАОО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.

Работа велась дружно и в согласии. Председателем Комитета был тов. Баранов, секретарь – Крюгер, впоследствии оказавшийся провокатором, предателем, и в 1920 году был расстрелян.

И поэтому, несмотря на желание работать, мы находились без должного и вполне правильного руководства. Не было у нас и опыта в работе.

Момент Октябрьской революции прошёл незаметно. Знали, что переворот совершился, и всё.

Совдеп продолжал работать до июня 1918 года.

А в июне в Таре офицер Рубцов организовал контрреволюционный штаб, куда вошли все офицеры. Впоследствии Рубцовым были арестованы тов. Баранов, Чесноков, Кирштейн и др.

Об организации профсоюзов (со слов тов. Тарасова И.К., служащего Тарского окрфинотдела)

Организации профсоюзов как таковой в Таре в 1918 году не было. Да и не могло быть, т.к. местные граждане не имели никакого представления о целях и задачах профсоюзов и были лишь попытки к объединению.

Так, весной 1918 года в Таре была первая попытка к организации профсоюза конторского и канцелярского труда, впоследствии Союза совторгслужащих.

Инициаторами были тов. Заливин Матвей Иванович (бухгалтер, сейчас работает в Новосибирске) и тов. Жезлов Фёдор (продавец, который служил в продовольственной управе).

Первое организационное собрание было в здании, где в настоящее время помещается Тарский окрфинотдел (ул. Свердлова, д. 84).

На собрании присутствовало большинство служащих, но чиновников среди них видно не было. Это были сотрудники народного хозяйства, продовольственной управы и др.

Вступило в Союз приблизительно 70–80 человек. Возможно, что этот Союз расширился бы и вырос, но в июне месяце произошёл переворот, и Союз заглох.

Один из участников вторичной попытки организации профсоюзов, тов. Жезлов Фёдор, летом был арестован капитаном Силицким. На этом профсоюзная жизнь в Таре закончилась и не возобновлялась до 1920 года.

Не понимали слово «пролетарий»

– Помню, – говорит тов. Тарасов, – в 1917 году во время Февральской революции, 3–5 марта было собрание граждан. Стали объяснять суть Февральского переворота, говорили о том, как он произошёл, двое каких-то военных приезжих. Помянули слово «пролетарий», а среди наших тарских граждан стали шептаться:

– Что это за «пролетарий», уж не жулик ли. Раньше господа пролетариями всех пятиномерских²⁰ называли.

Но выступивший тут же тов. Кирштейн объяснил значение нового слова, и всем стало всё понятно.

Война до победного конца (со слов тов. Погорелова Анатолия Константиновича, кандидата ВКП (б), служащего в Тарском окрфинотделе)

В 1917 году на граждан г. Тары своей провокацией большое влияние оказывали эсеры, которых возглавлял Гинцель Пётр Васильевич – учитель, инспектор народных училищ, сейчас инструктор по кооперации в Новосибирске, Леонтович Пётр Петрович – мировой судья, Вальтер – председатель земской управы, который был в Совдепе, Смолянок Тихон служил в Госпароходстве старшиной.

Все они проводили на собраниях лозунги «Война до победного конца» и другие.

Из рабочих выступали: Кривенко Иван Фёдорович – печник (большевик, впослед-

²⁰ Так в тексте.

ствии расстрелянный белыми), Пояркин Павел Андреевич, – плотник и Морозенко, – плотник. Эти мало разбирались в политике, но многие, придя только что с фронта, настаивали на отправлении на фронт местной команды.

Важную роль в этом деле сыграл Шаханин – тоже плотник, впоследствии принимавший участие в свержении Советской власти вместе с Рубцовым.

При восстановлении же Советской власти его осудили за контрреволюцию и приговорили к 5 годам заключения в исправдоме.

Я в то время избегал принимать какое-либо активное участие, т. к. всякое выступление могло быть непонятым и прослужило бы поводом к гибели. Но я твёрдо был уверен в том, что к старому возврата быть не должно и что жизнь наша наладится по-новому и по-хорошему. А как это произойдёт, тогда сказать было трудно, особенно если принять во внимание, что Тара – отдалённый глухой уголок Сибири, где было царство тьмы и невежества.

Колчаковская мобилизация

Это было, если не ошибаюсь, весной 1919 года, объявили белые мобилизацию. В феврале месяце стали набирать интеллигенцию (лиц, имевших образование не менее 4 классов городского училища). Мобилизовали сначала только молодых. А осенью, в сентябре, объявили мобилизацию остальных запасных, старших возрастов.

Пригнали на пристань человек до 600, кругом казаки и офицеры.

Стали командовать:

– Залезай в трюм в баржи. А ну, живее!

А в толпе закричали:

– Довольно нам ездить в баржах! Подавай пароход!

Выступил один офицер, стал уговаривать, но ему не дали и говорить.

Даёшь пароход – и всё.

Тогда подали пароход «Николай Святой», погрузились, и пароход пошёл на

Омск. За всю дорогу «Николай Святой» к берегу не приставал, даже погрузку дров производили с баржи посередине Иртыша, беря баржи на ходу под крыло.

Так проходила принудительная колчаковская мобилизация в Тарском округе.

Из рассказа тов. Хруцкого (тов. Хруцкий член партии, он всё время находился в г. Таре, был очевидцем всех происходящих здесь событий. В настоящее время (1927 г.) работает сторожем в Тарской типографии местхоза, живёт очень бедно, имеет на своём иждивении большую семью)

Сам я из Витебской губернии. Родился в Городецком уезде в деревне Выгорь. До 15 лет жил в деревне, работал в батраках у помещика, а после пошёл в Ленинград (в то время Петербург) и служил там до 20 лет на Путиловском заводе маляром. После меня забрали на военную службу и я служил в Герсинфорсе²¹. 27 лет я поступил в Омске в железнодорожные мастерские. Здесь в то время (в августе 1905 года) было рабочих до 50 человек. В 1905 году я был в административном порядке уволен из-за политической неблагонадёжности.

Здесь же в 1905 году, 17 октября, принимал участие в всеобщей забастовке.

В это время были остановлены все поезда на 2 недели. А потом генерал Сухотин со своими жандармами и казаками эту забастовку подавил. После чего я был уволен, и мне пришлось работать у частных. Однако связи с остальными рабочими я не прерывал.

В партии состоял с 1905 года и всё время старался работать заодно с партийцами.

В 1911 году вышло разрешение выехать в Россию, за исключением г. Москвы, Киева и Одессы. Я поехал в Смоленск, где и работал у частного по домашнему ремеслу.

В 1914 году меня снова взяли на военную службу. А в первую мобилизацию меня

²¹ Гельсингфорс – Хельсинки, Финляндия.

не брали, и только когда вышел приказ (Высочайший Манифест), что на войну могут идти все политические неблагонадёжные, меня забрали.

На фронте я был ранен и по ранению был освобождён от военной службы. В Тару я приехал в 1916 году, служил мельником на мельнице Яркова (после эта мельница сгорела). А в июле т[ого] г[ода] переехал в Омск и служил в железнодорожных мастерских до 15 июня 1917 года.

В Омске в то время у нас шло деление на ленинцев и плехановцев. Я был ленинец.

В Тару приехал вновь 15 августа 1917 года, где и поступил на мельницу Яркова.

В это время в Таре уже был Совет рабочих и солдатских депутатов, который возглавляли Леонтович (эсер), Смоляноко (эсер), Адамчик (эсер), Блинков (теперь служит в Новосибирске).

Входил в Совет также крупный буржуй Щербаков Фёдор Иванович²² (не знаю, кто он был, кадет или эсер, но думаю, что кадет). А из рабочих-большевиков входили в первое время: я, (Хруцкий), Кириштейн (учитель, сейчас служит в ОГПУ в Таре), Циза (домашняя хозяйка, член партии с 1917 года), Чесноков Владимир Евгеньевич (фотограф, сейчас живёт в Тюмени), Волгин (бывший поп), Козлов (теперь исключённый из партии, кажется, за службу у Колчака), Смертев Иван Иванович (столяр, сейчас тоже член ВКП(б), Машинский Василий²³ (продавец, сейчас служит в кооперации). От других входили в Совет Штижецкий²⁴ (помощник машиниста, сейчас, кажется, в кино служит, демонстратор) и др.

Вначале на мельнице меня ни хозяин Ярков, ни управляющий Губин взять не хотели на службу. Но тут помог мне крупчатник тов. Черепанов (тоже член партии, сейчас в Ялуторовске). Он меня взял подметалом. А после настоял на том, чтобы меня приняли в штат, сначала кочегаром и потом мельником.

Получал я в то время ровно столько, сколько необходимо, чтобы не помереть голодной смертью. Доводилось и так, что иной раз за мукой на квашню шли в люди.

Семья моя состояла из 6 человек: жена, четверо детей и сам. Не лучше жилось, пожалуй, и другим рабочим. А вместе с тем, работали мы не 12, а, пожалуй, и все 18 часов в сутки.

8-часовой рабочий день

В это время на мельнице работали Шпитецкий (помощник машиниста), Никифоров (сейчас служит в Тарском пожарном депо), Швецов (машинист, сейчас также на мельнице), Губин (управляющий, сейчас в ИТД счетоводом), и пр., а всего до 22 человек.

Когда я приехал, то на мельнице был заводской комитет, председателем которого был машинист: работал он под дудочку хозяина Яркова. Видя тяжёлое положение рабочих и будучи партийцем, я стал среди работников агитировать за проведение 8-часового рабочего дня. Но они сначала боялись хозяина.

— Как же можно это допустить. Ведь тогда Ярков нас рассчитает, а куда пойдём, когда в Таре ни фабрик, ни мастерских.

А я им и говорю:

— Всё наше будет. Не Ярков и не Щербаков должны распоряжаться всем, а особенно нами, а мы сами, рабочие. Мы должны стать хозяевами, не они.

Наконец, двое со мной согласились. Это тов. Черепанов (член партии) и тов. Лепатников (кузнец, сейчас где-то в Семипалатинске). Начали мы втроём собирать подписку за 8-часовой рабочий день. Стали настаивать перед председателем о назначении общего собрания коллектива. Наметили провести его в первое воскресенье. А это было в середине октября 1917 года.

Не соглашался сначала Шевцов провести собрание, но, после того, как он спелся с хозяином и управляющим, вдруг

²² Иван Фёдорович.

²³ Иванович. См.: ТФ ГИАОО. Ф. Р-5. Оп.1. Д. 1. Л. 77.

²⁴ Шпитецкий.

согласился. Оказалось, что о наших целях они узнали через некоторых рабочих и даже приготовились на этом собрании объявить увольнение тех, которые пойдут за 8-часовой рабочий день.

В воскресенье рабочие собрались. Открылось заседание. Выступил сначала бухгалтер Рекут Семён Васильевич (теперь умерший):

– Вы все пропадёте, если будете работать только 8 часов, наше предприятие не выдержит, и хозяин вынужден будет мельницу закрыть. Ведь за 8-часовой рабочий день проповедывают большевики, а они не хотят ничего государству, кроме разорения. Ведь это грабители. Неужели и вы пойдёте за ними, ведь если в Америке работают по 8 часов, то там рабочий стоит у станка всё время и не имеет время не только отдохнуть, но и закурить или плюнуть.

Не вытерпел я и выступил:

– Здесь нам говорят об Америке, но мы знаем, что при Советской власти везде работают 8 часов в сутки, а не 18, хотя у нас ещё и не Америка. Вы ругаете большевиков грабителями, а на самом деле большевики – это такие же рабочие, как и мы сейчас здесь. Они хотят облегчить участь работников и избавить их от господства капитала. Вот Дмитрий Кириллович Губин ведь считает себя политическим ссыльным, а интересно, за кого он сейчас: за рабочих или за хозяина?

– Положа руку на сердце, – говорит Губин, – я ничего не могу сказать, я стою на грани.

– И я тоже, – говорит Швецов, – при таком положении. Не могу быть председателем.

Взорвало это меня.

– А не можешь, – говорю, – так иди к чёртовой матери! И без тебя обойдёмся!

– Правильно, – закричали рабочие, – переизбрать председателя!

– Кого?

– Хруцкого, Хруцкого! – как один закричали рабочие.

Занял я место председателя и говорю:

– Товарищи, вы не пугайтесь, что наши администраторы говорить с нами не хотят.

Мы и без них сумеем своего добиться. Помните, что за нашими плечами Совет советских и рабочих депутатов.

Выступил тут Шпитецкий (помощник машиниста), попробовал подействовать на рабочих увещанием:

– Ну ладно ребята, – говорит он, – вот он, Хруцкий, мастеровой. Если его уволят, он без куска хлеба не останется. А вы, молодёжь, куда пойдёте? Или захотелось по миру ходить?

– По миру никто не пойдёт, – говорю я, – всем работа найдётся.

– Мы сейчас пойдём в Совет.

И отправились. Придя в Совет, мы дождались своей очереди и обо всём, как было, рассказали.

Тут опять выступил Шпитецкий:

– Товарищи, не выдержит Ярков, ему тогда придется мельницу закрыть. Если хотите провести 8-часовой рабочий день, то надо Яркову прибавить за помол.

Наконец выбрали комиссию, которой и поручили обследовать работу на мельнице.

В понедельник мы пошли на работу, а управляющий мне, как председателю, говорит:

– Хозяин не велел работать. Мельница закрывается до разбора дела.

– Это неправильно. Закрывать мельницу нельзя, говорю я вам.

И мельницу пустили.

Однако 8-часовой рабочий день впоследствии был введён, но с тем лишь условием, чтобы Яркову прибавили 5 коп. с пуда за помол.

Большевиков хотели бить и вешать

Это было 10–15 мая 1918 года. Эсеры и меньшевики старались всякими неправдами подавить рабочее движение и всецело агитировали за войну.

– Война до победного конца. Большевики – это соглашатели Германии, – вот что тогда они говорили.

А большевиками в бывшем доме Орлова был устроен митинг, направленный против войны.

Контрреволюция подняла голову

Чесноков, стоя на скамье, выступил с докладом о ненужности империалистической войны. Но тут пришли эсеры, от которых выступил Смолянок:

– Нам без войны не обойтись, мы должны воевать, пока не вытесним германцев из своей территории. Ложь, что германцы могут быть нам друзьями.

За ним выступил Бояркин (плотник, который не имел никаких убеждений, и сейчас он тот же):

– Власть взяли мы, фронтовики, а не большевики. Власть принадлежит нам, а не большевикам.

А за ним Безяев Степан (кузнец, сейчас также в Таре):

– Большевики – это изменники. Ленин – шпион немецкий, предатель.

Публика бросилась под такой провокацией на большевиков, Чеснокова сбили с ног.

– Вон отсюда. Вам здесь не место.

Пошли на улицу. Но на улице снова окружили, некоторые на большевиков лезли с кулаками.

Вышел Леонтович и какой-то чиновник. Стали говорить:

– Самосуда на улице быть не должно. С ними власть разберётся и, если нужно будет, расправится.

Тут же среди публики был тов. Плехотных (в настоящее время председатель Тарской окрстрахкасы), который старался отвлечь внимание публики от нас. И мы – Чесноков, Степанищев и я, воспользовавшись сумятицей, из толпы ушли. Однако тов. Смертев уйти не успел. Его застигли по дороге и избili.

Тут же по городу была пущена провокация, что большевики собираются повесить купцов Мезенцева (городской голова), Шанского и Новицкого Трофима Ивановича (член городской управы).

Стали открыто по городу вести провокацию, что всех большевиков необходимо повесить. А после рассказали о том, что в Омске уже Советской власти нет.

8-9 июня 1918 года по инициативе Рубцова (офицера), когда Советской властью была объявлена мобилизация 5 лет, соглашениями из фронтовиков – провокаторами среди населения распространялись слухи о ненужности мобилизации.

В Народном доме (теперь рабочий клуб) был созван общегородской митинг, где Рубцов говорил:

– Долой Советскую власть.

Выступил и Шаханин:

– Долой, – говорит и он, – Советскую власть. Довольно нас путать конскими путями. Да здравствует Временное Правительство!

Недаром он кричал, т. к. впоследствии был назначен начальником уездной охраны, а потом городским.

Из большевиков никто не выступал, т. к. уже начались преследования и аресты. Выступал ещё поручик Юрьев и Жигулёв (рабочий), видимо, спровоцированный белыми. Оба говорили против Советской власти. Выступали другие, как, например, Сергей Голубых (штукатур, сейчас тоже в Таре). Он организовал против Советской власти фронтовиков. Впоследствии был назначен старшим охранником. Когда же Колчак проезжал в Тобольск для осмотра пепеляевской банды, то Голубых был лично Колчаком произведён начальником охраны.

В эту же ночь после собрания начались аресты большевиков. Арестовали Чеснокова, Волгина, Степанищева, Кириштейн и др.

Вот что рассказывает тов. Перченков о своём аресте:

«За несколько дней до переворота было решено вооружить население (между прочим, эту мысль дал ярый «большевик», охранник-офицер, впоследствии расстрелянный красными за контрреволюцию). Оружия было мало, и поэтому всем не хватило. Однако некоторым действительно оружие раздавалось. И в первую голову получили его белогвардейцы. Нам также не отказали, но в день переворота, например у меня, оружие отобрали. Это было так:

ночь после переворота, часа в 2, белогвардейцы застали меня дома, на стук в ворота я пошёл открыть. Слышу голос:

– Пришли вас по распоряжению Военно-революционного комитета арестовывать.

Входят. Спрашиваю:

– За что же так?

– Не знаем. После узнаете.

Хотел я взять с собою кое-какие вещи, но меня остановили:

– Не беспокойтесь. Вы там не задержитесь. Допросят и отпустят.

Поверил я, согласился и, даже не простившись как следует, был уведён в тюрьму, где назавтра, после прогулки увидел остальных наших членов Совета, как то: Чеснокова, Баранова, Волгина, Степанищева, Кирштейн, Гольдберг и др. товарищей.

Так дома мне больше побывать не удалось.

Слухи о чехословаках

Ещё до падения Советской власти до нас дошли слухи, что на Омск наступают чехи. Рассказывал об этом Баранов, который ездил в Омск за оружием. Но оружия ему тогда получить не удалось, т. к. вблизи от Омска уже развёртывался фронт и на станцию Марьяновку наступали чехи.

Узнав об этом, мы сейчас же выступили по деревням и по городу с обращением к населению, в котором разъяснили сущность и значение наступления чехов, и призывали крестьян к мобилизации и защите Советской власти.

Эти воззвания рассылал Баранов.

Однако ввиду того, что оружия на месте совершенно не было, наши коммунары остались невооружёнными.

Советские пароходы в Таре

В ночь после собрания, на котором контрреволюция подняла голову,

коммунаров арестовали. Я в это время работал на мельнице и остался не арестованным. А к вечеру, на другой день, в Тару со стороны Омска пришли советские пароходы.

В это время белогвардейцы, одурманенные гражданами, пошли встречать пароходы с оружием в руках. Открыли по пароходу «Ольга» вооружённый огонь. На пароходе был убит лоцман, и пароход был повреждён, ввиду чего он пристал к правому берегу.

Вторым подошёл «Арсений»: повернулся носом против течения и открыл огонь.

Белогвардейцы, бывшие на берегу, бросились в разные стороны бежать.

Граждане и красногвардейцы высадились с парохода и пошли по городу.

– Мы рабочих не тронем, – говорили они, – мы идём не воевать с вами. а защищать наших товарищей.

Из тюрьмы они взяли арестованных коммунаров, которых увели с собой на пароход.

После все пароходы – около 20, один за одним стали давать гудки и двинулись из Тары на Тобольск.

До сих пор я не могу забыть эти гудки. Слыша их, кажется, сердце обливалось кровью, ведь с этими пароходами уходили близкие мне товарищи.

Мне же с пароходами уехать не удалось, т. к. я не знал, что с ними можно ехать. Сам я находился в то время на мельнице и с уходом пароходов чувствовал себя одиноким, думал, что здесь одному несдобровать.

Впоследствии я узнал, что из нашей группы остались ещё тов. Никитин²⁵ (фотограф, теперь в Новосибирске), Глебов²⁶ (доктор в Тюмени), Жезлов²⁷, Гуров²⁸, Черепанов, Кобылин²⁹ (продавец в Ачинске) и Машинский (продавец в Иссык-Куле).

Большевики при белых думали работать

14-15 июня мы устроили собрание, которое происходило во дворе настоящей

²⁵ Михаил. См.: ТФ ГИАОО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.

²⁶ Дмитрий Александрович. См.: ТФ ГИАОО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.

²⁷ Фёдор. См.: ТФ ГИАОО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.

²⁸ Георгий Сильверстович. См.: ТФ ГИАОО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.

²⁹ Андрей Яковлевич. См.: ТФ ГИАОО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.

типографии, в деревянном здании. Здесь выступали: Никитин, Глебов, Заливин и я. Присутствовал Вейсерт.

Говорили о том, как нам быть в дальнейшем.

– Нам не надо покладать работы, – говорил я, – а надо её усилить и продолжить, давая каждому отдельные задания.

Говорили о необходимости тесного единения с крестьянами, о создании партизанских отрядов.

На меня выпала задача вести агитацию за Советскую власть, против Колчаковской мобилизации и т. д.

Руководителями у нас в группе в это время были Глебов и Никитин.

Собирались мы и после. А потому, когда стали нас сильно преследовать, то мы сходились по улицам, обменивались между собой мнениями, и говорили, опять-таки, о необходимости связи с партизанами. После от партизанского отряда из урмана приехал тов. Вейсерт, который останавливался обыкновенно у тов. Никитина (по ул. Зелёной, теперь – ул. Ленина) или у Глебова (в сельской больнице).

Белогвардейский «Ревком»

В том доме, где помещался наш Совет, начали работать белогвардейцы (сейчас в этом доме помещается Тарское отделение Сибторга). Здесь же «красовалась» зелёно-белая вывеска: «Революционный военный комитет», а внизу: «Для Сибири лес и снег».

Что это значило, я не понимал.

Но вот прошёл месяц, и эта вывеска сменилась другой: «Военный штаб». А впоследствии под такой же надписью значилось: «Власть правых эсеров».

Слышал, что главным из них вожаком был сначала Рубцов (офицер, сперва подпоручик, а после полковник). Потом он уехал в Омск, а вместо него сюда был прислан полковник Франг³⁰, этот и занялся уничтожением партизанских отрядов и расстрелами и истязаниями мирных граждан.

Радость буржуазии

(из рассказа тов. Плехотных, (председатель Тарской окрстрахкассы), помещённого в однодневной газете Тарского окружкома ВКП(б) «Красный Октябрь» от 7 ноября 1926 года)

Радость буржуазии и обывателей была неопикуемой. Начались аресты и расстрелы. Всё пошло «как по маслу». Чиновники стали блистать в новых мундирах, буржуазия в цилиндрах и изящных костюмах: хотя до этого времени они все ходили оборванцами, говоря, что большевики всё отобрали.

На заводе

Здесь рабочие приуныли, недоумевали и ходили с озабоченным видом. Зато администрация: заведующий, десятник и мастер были довольны, радовались.

– Рано, «друзья», начинаете радоваться, и радоваться-то не следовало бы, – говорю я им. Да что там, мои слова прошли мимо ушей.

А дня через 4 на заводе было объявлено сокращение. Наши комитетчики недоумевали:

– Почему этот вопрос не согласовывали с нами, – спрашивают они заведующего Кунгурова, а он говорит:

– Довольно вам со своим комитетом. Я в нем не нуждаюсь.

И пошла у нас жизнь на заводе, как было при царе.

Рабочие были настроены революционно, но руководить нами было некому. Мы верили, что Советская власть снова победит.

Мадьяров испугались

Через 3-4 дня после ухода советских пароходов вблизи от г. Тары проходил отряд мадьяров, отступавший из Омского района, который был хорошо вооружён и стоял на защите Советской власти. Струхнули белые и выслали делегацию для переговоров. Отряд мадьяр прошёл г. Тару стороной.

³⁰ Франко.

В Таре чехи

Недели через две в г. Таре появились чехи. В городе стали ходить разные толкования. Появились тайные агенты. Стали вылавливать коммунистов, для чего использовали содержателей притонов, рецидивистов и т. п. Многих грабили, убивали.

Кулацкий съезд

В первых числах июля был созван «крестьянский» съезд, который преимущественно состоял из кулаков, после чего и был объявлен призыв в Белую армию.

Стали поговаривать о старых порядках, о царе, а про коммунистов (большевиков) писались в газетах разные небылицы.

Власть белых не понравилась

Скрепя духом, стали учинять старые царские порядки, потянули с крестьян старые царские недоимки. Тут же происходила расправа чехов с теми, кто не хотел подчиниться белым. Появились карательные отряды. И недовольство белыми стало расти всё больше и больше.

Сознательные рабочие и крестьяне так говорили:

— Этакая власть нам не нравится.

В 1918 году началось партизанское движение.